

Печатный орган Вятской региональной общественной организации жертв незаконных политических репрессий (ВО ЖНПР)

Мы публикуем только один документ из длинного ряда ему подобных. По сути, этот документ рядовой, но – рядовой призыва осени 1937-го. Это обращение к тов. Сталину нижайшее прошение секретаря Кировского обкома партии Родина увеличить квоты на расстрелы (первая категория репрессуемых) и отправку в ГУЛАГ (вторая категория) жителей вверенной ему области.

Прошение было Сталиным не просто удовлетворено: он увеличил квоту по первой категории (расстрел) по сравнению с запрашиваемой еще на 200 человек – не зря писал свои резолюции красным карандашом (ну а уж Молотов подмахнул – синим).

Кировская область в России далеко не самая большая и населенная, а аналогичные шифрограммы шли отовсюду – за образец взяли социалистическое соревнование: выполнить и перевыполнить план! (Ничего, что по убийствам – лозунг-то правильный.) Сколько же всего невинных людей одним росчерком своего палаческого карандаша Сталин стер с лица земли?!

Чтобы ответить на этот вопрос, надо открыть все архивы, собрать все документы, подписанные вождем народов, а сейчас снова многое, непозволительно многое засекречено.

Но вот, например, про отдельно взятую Кировскую область мы можем сказать точно: здесь Сталин своей рукой отправил на тот свет минимум 500 человек. На самом деле, конечно, намного больше – хотя бы по тому, что изначальные квоты на убийства предлагал и утверждал лично он.

Но давайте ограничимся только публикуемыми документами. Не будем искушать апологетов вождя, которые, как все холопы, любое зло объясняют происками «плохих бояр» (типа Ежова), а самого хозяина (Сталина), с одной стороны, обожают, с другой – оправдывают (но божество не нуждается в оправдании): мол, «ничего не знал», «нет его личной подписи».

На этом документе его личная подпись стоит, причем с его личной резолюцией: расстрелять дополнительно 500 человек – только на основании прошения с места о расстреле 300. Но если даже предположить, что секретарю Кировского обкома (просителю) могли пригрезиться среди земляков ровно 300 врагов народа, то как сумел кремлевский горец из московского далека разглядеть в вятских лесах и весях разглядеть еще целых 200?!

Зададимся циничным вопросом: для чего ему понадобились полтысячи новых жертв? Для устрашения всех остальных, чтобы не рыпались? Но неужели для этой цели не хватило тех, кого репрессировали по первоначальному «лимиту», если только на железнодорожном транспорте Кировской области «подлежало изъятию свыше 500 человек» (кстати, опять 500 (!) – не отсюда ли у Сталина появилась именно эта цифра...)?

Или все дело в том, что разоренная коллективизацией деревня не могла прокормить население СССР, и в мозгу вождя родилась очередная гениальная идея – сократить количество ртов? Но в эти же годы продолжался нешуточный

экспорт зерна и проводилась индустриализация, требовавшая рабочих рук... И ни одна «великая стройка коммунизма» не обошлась без зэков. В этой-то ситуации, в условиях мобилизационной ЭКНОМИКИ, «успешному управленцу» следовало, казалось бы, увеличить квоты, скорее, по второй категории – пусть себе вкальвают задарма. Однако он делает все наоборот: разрешает отправить в ГУЛАГ только 800 вятчей вместо запрашиваемых 1000.

Почему? Уже знал, что экономика ГУЛАГа слишком затратна и неэффективна? Или никак не мог принять цифру, предлагаемую не им самим, чтобы потом проситель не упивался сталинской сговорчивостью? А может, просто поупражнялся в арифметике – там прибавил 200, здесь отнял, любил, знаете ли, пошутить?..

Не важно. Куда существеннее, что даже один этот документ – вполне достаточное свидетельство обвинения, изобличающее И.В. Джугашвили (Сталина) как уголовного преступника, виновного в массовых убийствах. А таких документов сотни (значит, он еще и серийный убийца). Неужели они не могут служить основанием для суда над Сталиным и сталинизмом, над преступными организациями ГПУ-НКВД-МВД-КГБ, ВКП(б) – КПСС, которые осуществляли геноцид собственного народа? У преступлений, засвидетельствованных этими документами, не может быть срока давности.

Основной аргумент против возможности такого судебного процесса – смерть главного преступника и его ближайших сподвижников. Но и на заседаниях международного военного трибунала (МВТ) в Нюрнберге Гитлер и вся верхушка Третьего рейха отсутствовали по той же уважительной причине. Что не помешало осудить гитлеризм, национал-социализм и обвинить проповедников и проводников этой идеологии в преступлениях против человечности.

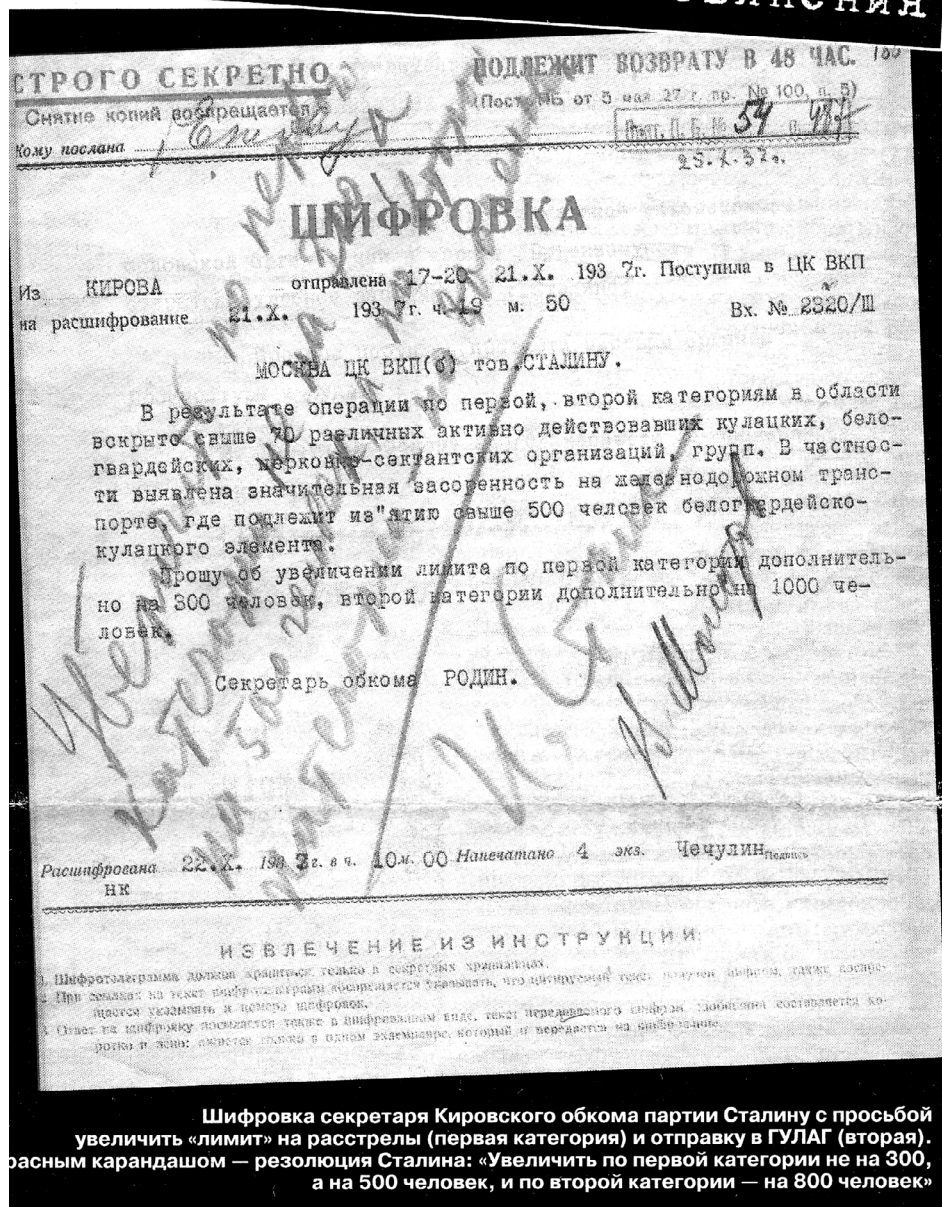
Из устава МВТ при формулировке Положения о Специальном судебном присутствии, которое будет иметь право провести такой процесс (см.

Если даже предположить, что секретарю Кировского обкома могли пригрезиться среди земляков ровно 300 врагов народа, то как сумел кремлевский горец из московского далека разглядеть в вятских лесах и весях еще целых 200?!

Убийства по квотам

Как назвать того, кто в мгновение ока уничтожил 500 человек? Разве не массовым убийцей?

Свидетельство обвинения

Шифровка секретаря Кировского обкома партии Сталину с просьбой увеличить «лимит» на расстрелы (первая категория) и отправку в ГУЛАГ (вторая) красным карандашом – резолюция Сталина: «Увеличить по первой категории не на 300, а на 500 человек, и по второй категории – на 800 человек»

«Новую газету», №19 от 25.02.2009), могут быть использованы, в частности, такие принципы:

- при определении преступности деяния суд не связан внутренним правом СССР или РСФСР и руководствуется собственными представлениями (ст. 6 «с»);
- наличие решения партийного или государственного органа об осу-

ществлении того или иного преступления против человечества (или личности) или санкционирующего таковое не освобождает от ответственности Сталина как главу партии и государства за данное преступление, поскольку он постоянно пользовался подобной маскировкой своей личной вины перед народом и историей (ст. 8).

То есть законы и указы, принятые по инициативе Сталина и развязавшие ему руки для осуществления террора и геноцида, не могут служить оправданием осуществленного им террора и геноцида.

На наш взгляд, это исчерпывающий аргумент против еще одного распространённого мнения, что судить Сталина можно только по законам его времени. Нет, как раз нельзя! По тому, что законами его времени были его законы, принятые благодаря его диктату.

ОЛЕГ ХЛЕБНИКОВ, ШЕФ-РЕДАКТОР СПЕЦВЫПУСКА «ПРАВДА ГУЛАГА»

К статье О. Хлебникова

Во исполнение решений под грифами – **строго секретно** – политбюро ЦК ВКП(б) от 2.07.1937 за подписью И. Сталина и ЦК ВКП(б) от 10 июля 1937 г. был издан приказ НКВД за №00447 от 30 июля 1937 г. В приказе были установлены (в закодированном виде) количественные планы на репрессии жителей по всем республикам и областям страны: по первой категории (расстрел) и по второй категории (8-10 лет концлагерей). На выполнение плана операции с 5 августа 1937 г. отводился срок 4 месяца. НКВД брал на себя повышенные обязательства, т.к. в вышеуказанных решениях срок был установлен – март 1938 г. На местах доведенные лимиты могли быть увеличены, но только с разрешения по принадлежности: чекисты – Ежову, партийные секретари – т. Сталину. Окончательно решал палач всех народов – Сталин. Управлению НКВД Кировской области был доведен следующий план (лимит): расстрел – 500 чел., концлагерь 8-10 лет – 1500 чел. В области с 5 августа началась местная «скотобойня». Доведенный план выполнялся по обычной системе в стране советов: «цель оправдывает средства» и «человек – ничто, лагерная пыль». В качестве кандидатов для выполнения квоты стали брать лица, на которых писали доносы. Доносы, как правило, сочинялись на бытовой основе с присутствием жителя страны советов **черной завистью – у меня нет и у него не будет**, а может, что-то и «отколется» – советская власть всячески заставляла доносить и стимулировала доносчиков. Создал миф о «герое» Павлике Морозове, который предал своего отца, власть создала прецедент, на котором рождались семейные доносчики: дети доносили в органы о беседах своих родителей на кухне. Создавались условия для абсолютно тотальной слежки. Типичные причины для доносов: у соседа больше жилплощадь, он лучше питается, у него в семье все в порядке, у коллеги по работе выше должность, больше зарплата и т.д. На основа-

нии доносов и классового «чутья», без каких-либо сомнений проводились многочисленные аресты. Как пытали арестованных, писались «чистосердечные признания», создавались «шпионские и террористические организации», конкретно говорится в книге **«Все равно буду жить», написанной в 1990 г. секретарем Кировского обкома КПСС Ю.Г. Карачаровым, которого как уважаемого и порядочного человека нельзя обвинить в искажении действительности.** Передавая экземпляр этой книги Магдееву М.Х. для музея ВО ЖНПР, он сказал, что все там написанное – абсолютная правда. От этой правды у любого нормального человека «побегут мурашки по коже».

В стране советов любой человек, кроме Хозяина – И. Сталина и его детей, был шариком в игре «рулетка», ставка – жизнь. Прекрасно зная об этом, «убежденные партийцы» – первые секретари ЦК республик и обкомов партии, чтобы сохранить свою и близким жизнь, все без исключения отправляли письма на товарища И. Сталина с просьбой увеличить планы на репрессии. Пытались доказать вождю свою большевистскую пронципальность в деле выявления «врагов народа» – классовое «чутье», величайшую преданность и личную исполнительность тов. Сталину. Просители пытались за счет дополнительного уничтожения совершенно безвинных людей сохранить свои жизни. Так поступил и первый секретарь Кировского обкома ВКП(б) Михаил Наумович Родин – письмо от 21.10.1937 на полосе газеты. В результате его письма и «щедрости отца народов» в Кировской области дополнительно было расстреляно 500 совершенно безвинных людей. И все же М.Н. Родин не ушел от «десницы правосудия». Был расстрелян 28 ию-

ля 1938 г., находясь в должности заместителя наркома лесной промышленности. Также в соответствии с решениями Политбюро от 2 сентября 1937 г. и 29 августа 1938 г. в Кировской области дополнительно расстреляли 900 чел. В итоге было только расстреляно 1936, не считая лиц, умерших под пытками (официальный диагноз – воспаление легких, сердечная недостаточность), а также отправленных после пыток с повреждениями, не совместимыми с жизнью – страшные головные боли, отбитые внутренние органы, переломы позвоночника, и т.д. – умирать домой. Нет точной цифры лиц, отправленных на 8-10 лет в концлагеря на стройки социализма, но надо полагать эта цифра значительно выше количества расстрелянных. Появилось огромное количество сирот – детей «врагов народа», которые считались ненужными, людьми второго сорта, на которых также падала карающая рука государственных органов. Трупы расстрелянных безвинных людей, как бродячих собак, сбрасывались в ямы, овраги, траншеи на Филейском, Петелинском и Мезринском кладбищах. Одному из супругов и детям «врага народа» чекисты предлагали отказываться от своего родства с ним. Славно, героически работали чекисты: сами арестовывали безвинных людей, создавали мнимые «террористические, шпионские» организации, расстреливали и зарывали «врагов народа» в землю. Родные до настоящего времени не знают, где лежат их родители, деды и бабушки. За такой титанический непосильный труд славные чекисты получали ордена, медали, звания, должности. Прокурор области С.С. Постников попробовал проявить тревогу по поводу творимой вакханалии и сразу же в феврале 1938 г. был сам арестован и испытал на

себе весь арсенал жесточайших пыток НКВД, 17 декабря 1939 г. был оправдан и освобожден. Неслыханно повезло – попал в период времени, когда «ежовщина кончилась, а бериевщина, т.е. новая команда негодяев – очередных холуев Сталина» не успела набрать оборотов – стр.98-101 вышеуказанной книги. Так, при Берии Г. Жуков чудом избежал участи М. Тухачевского – все близкие ему генералы были арестованы и подвергнуты жесточайшим пыткам, после которых чекистами были получены нужные признания. Надо полагать, на тот период Сталин «напился человеческой крови». В Кировской области не нашлись виновники страшной трагедии – «они все выполняли приказы свыше». Чекисты – исполнители этих приказов, как правило, все ушли с почетом на заслуженную пенсию. Что же сделала существующая государственная власть в отношении репрессированных? Власть проявила «трогательную заботу» о жертвах репрессий: на первом этапе Федеральным законом от 22.08.2004 №122-ФЗ финансирование льгот репрессированных перевела на региональный уровень, а на втором этапе – региональном, бессовестно отняла часть небольших льгот. В юби-

лей 20 летия Конституции – Основного Закона РФ – по первому каналу многократно с экранов телевизоров цитировалась часть 2 статьи 55 Конституции РФ – **в РФ не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина.** Закон Кировской области от 7 декабря 2004 г. за №280 ЗО «О мерах социальной поддержки ветеранов труда, тружеников тыла и жертв политических репрессий» грубо нарушил вышеуказанную статью Конституции – были отобраны права на часть льгот для жертв репрессий. **Прокуратура области при экспертизе закона на нарушение Конституции РФ не заметила и продолжает не замечать.** Никто из тех, кто принял данный закон, наказания не понес и, надо полагать, не испытал моральных угрызений совести. Многократные обращения в различные государственные органы власти, в т.ч. и к гаранту Конституции – Президенту РФ, по поводу нарушения Конституции в отношении репрессированных завершались типичными канцелярскими отписками – без принятия мер. У нас в стране **Конституция РФ исполняется только по указанию сверху, т.е. с разрешения ее гаранта?** Репрессировать репрессированных, а это так и получилось, для России непростительно. Действительно, **умом Россию не понять!** Комментарии излишни!

Справка:

Выписка из протоколов заседания Политбюро УК ВКП(б) по вопросам увеличения лимитов репрессированных по приказу НКВД СССР № 00447 «Об операции по репрессированию бывших кулаков, уголовников и других антисоветских элементов»

2 сентября 1937-29 августа 1938

Во исполнение решения ЦК 10 июля 1937 г. разрешить Кировскому обкому увеличить количество репрессированных по первой категории до 900 человек.

**СЕКРЕТАРЬ ЦК
РГАНИ, Ф.89, ОП. 73, Д. 75, Д. 1
КОПИЯ. СЕМИТОМНИК «ИСТОРИЯ
СТАЛИНСКОГО ГУЛАГА» Т. I,
СТР. 290, ИЗД. М., РОССПЭН, 2004.**

● ПОЭЗИЯ

Стихи Абрашнёвой Инессы Леонтьевны

Судьба Пшеничного

Его судьба – Хождение по мукам,
Его судьба – трагедия и драма,
Не дай бог это – ни врагу, ни другу,
Так пожалей его Отчизна-мама!

Жизнь его хлестала, больно била,
Лишала его дважды дара речи,
Не жизнь была, а просто
ад крошечный,
Но дух, надежду, веру сохранил он.

И вот стоит он перед нами
на помосте,
Рассказывает нам о муках
страшных,

Звучат в его рассказе боль

и горечь,
Не будьте, люди, равнодушны и бес-
страстны!

15.11.2013

Мне 80

Сквозь все невзгоды, бури
прошагав,
Достигла этой очень важной даты.
НЕ напрасно жизнь моя прошла
Пусть трудно – все мы здесь
солдаты.

Остался заключительный аккорд.
Хочу, чтоб был он ясным, чистым,
сильным,
И светлым, как напев былинный,
Как благодать, что нам с небес идёт.

Пусть всё хорошее произойдёт,
Пусть никакие в мире непогоды
Не омрачат оставшиеся годы.
Навстречу всему светлому вперёд!

12.12.2003г.

Год лошади

Ну вот и отгремел змеиный
год УРА!
Змею гремучую – год Лошади
сменяет.

А лошадь – символ творчества,
добра,
Прогресс, полёт и радость обещает.

Лети, крылатый конь, лети,
Минуя все преграды на пути.
Навстречу радости, добру
и счастью,
Святая Русь, живи, работай,
здравствуй!

Декабрь 2013 г.

Судьба Тамары Георгиевны Кондаковой сравнима с судьбами других эстонцев, вывезенных с родины. Без суда и следствия она вместе с семьей была выслана из родной страны и лишилась практически всего.

Детство Тамары Георгиевны прошло в Таллине, где она жила с родителями. Мама, тоже Тамара, работала фармацевтом в старой аптеке на ратушной площади, а папа, Георг Вольдемар Карафин, был инженером. Семья никогда не выражала большого интереса к политике. Только до прихода новой власти иногда отец слушал Москву по радио. Богатства тоже не было – всего имущества только двухкомнатная квартира, книги и папина скрипка. Но 14 июня 1941 года они лишились и этого.

– К нам пришли с обыском, – вспоминает Тамара Георгиевна, – родителей не было, но их привезли с работы. Милиционер тогда сказал маме, что по всей Эстонии идет высылка «социально опасных элементов», и мы тоже ей подлежим.

Едва ли не сразу их всей семьей посадили в грузовик вместе с другими такими же эстонцами. Девятилетняя Тамара дрожала и прижимала к груди куклу – единственную игрушку, которую ей разрешили взять с собой. Она думала, что их расстреляют и закопают – в кузове лежали лопата и кирка.

Но вскоре они оказались на пригородной станции вместе с сотнями других эстонских семей. Женщин и детей разместили в одних товарных вагонах, мужчин – в других. Составы стояли двое суток, и мама Тамары попросила у приставленного к вагону повидаться с мужем. Как ни странно, разрешили. Отец, чувствуя, что это свидание может быть последним, попрощался с матерью.

– Береги Тату, – сказал он, – нам больше не увидаться.

В это время к вагону подбежал сосед с узлом вещей. Он каким-то образом пробрался в пустую квартиру, сорвал шторы с окон и скидал в них все, что попало под руку: подушки, одеяло, книги... Самым ценным оказался фотоальбом со снимками маленькой Тамары.

Часть семейных вещей сберег двоюродный брат отца – эстонский композитор Альфред Каринди. Ему позволили забрать из опустевшей квартиры все нужное. Он взял стол, книги, а главное – папину скрипку. Ее Тамара Георгиевна привезла с собой в Архангельск.

Отец оказался прав – больше они не увиделись. В октябре 1941 года он умер от воспаления, как и тысячи других эстонцев, сосланных в Северураллаг.

Когда состав со ссыльными прибыл в Вологду, встал вопрос, отправить его на север или на восток. Решили – на восток. Возможно именно это и спасло Тамару и ее маму от голодной смерти посреди бескрайних километров вечной мерзлоты. В числе еще восьми эстонских семей они попали в Кировскую область. Ссыльных расселили по квартирам. Жизнь шла своим чередом. Они всячески старались обжиться на новом месте в новых жестких условиях.

«Спецпереселенка»

– Спали мы на полу. Ничего у нас не было. Маму не взяли на работу в аптеку – ссыльная, значит, нельзя. Она устроилась техническим секретарем райпотребсоюза. Постепенно привыкала.

Два класса Тамара окончила в таллинской школе, но в третий пришлось пойти в поселке Кырчаны. Девочка хорошо говорила по русски, поэтому ни языковой барьер, ни возраст, а она была младше своих одноклассников на год, не помешали ей хорошо учиться.

В 1944 году мама Таты знакомится с артистом уржумского драматического театра Вениамином Поляковым и выходит за него замуж. Семья переезжает в Уржум, где Тамара вступает в комсомол.

По окончании школы она мечтала поехать учиться в Ленинград. Но даже разрешение на учебу в Кирове удалось получить с большим трудом.

– Я с другими выпускниками собиралась в кино, когда меня вызвали в милицию и сообщили, что уехать из Уржума не дадут. Добиться выезда в

сездили в Челябинск на соревнования по конькам. После этого я решила, что уже могу выезжать из города и вспомнила о Ленинграде. Но, оказалось, что и в общежитии я была под неусыпным надзором. Меня вызвали в милицию и напомнили, что из города мне не уехать.

На третьем курсе Тамара сильно простудилась. Это повлияло на слух. Девушка уже не могла нормально посещать занятия. Она договорилась с преподавателями о свободном посещении, ходила только на практики, старательно переписывала лекции у одногруппников и самостоятельно изучала предметы. Но нашелся человек, оклеветавший Тамару. По его словам, девушка постоянно прогуливала занятия и грубила преподавателям.

– Утром я проснулась и увидела, что надо мной девочки стоят, как над покойницей, – вспоминает Тамара Георгиевна, – они на меня смотрели с жалостью. Я спросила, в чем дело? Оказалось, что в институте уже висел приказ о моем отчислении.

Тамару отчислили из института «за прогулы и грубое обращение с преподавателями». Друзья пытались помочь, но дальнейшая судьба ссыльной девушки была решена.

Тамара поступает в Пищальский лесотехникум – не хотела быть учителем физкультуры. Леонида забирать в армию. Не проходит и года, как Тамару снимают со спецпоселения. Она шлет Леониду телеграмму с одним-единственным словом «Освобождена!»

– Муж мне рассказывал потом, что, как только ее получил, побежал по улице, прыгая от радости. Люди его останавливали, спрашивали: «Что такое? Сын родился?» Он отвечал: «Еще лучше!»

В 1957 году Тамара с отличием оканчивает техникум и приезжает по совету преподавателя на Соломбальский ЦБК. Ей предлагают хорошую спокойную работу в конструкторском бюро, но на удивление всем она отказывается: «Хочу на производство!» Тогда ее назначают мастером в ремонтно-механический цех.

– Леонид написал мне, что приедет в январе 1958 года, – вспоминает с улыбкой Тамара Георгиевна, – но я сказала, что если не придет до Нового года, то пускай вообще не является. Он прибыл 30 декабря 1957 года. Тогда даже на танцы, которые совсем не жаловала, я пошла, гордо держа его под руку.

В январе молодые люди поженились. Супруг устроился в ЦБК мастером. В молодой семье появляются две дочери: сначала Татьяна, потом Светлана.

В 1964 году Тамаре предлагают стать начальником базового отдела стандартизации и нормирования. Но, когда совнархоз ликвидируется, переводят в старшие инженеры технического отдела ЦБК. Зарплата была низкой, жить было трудно, тем более с маленькими дочками. Семья решает покинуть уже обжитый дом и уехать в Киров, но им запрещают: «Двоих партийных не отпустим!» Тамару уговаривают остаться, предлагают должность инструктора организационного отдела Соломбальского райкома. Не сразу, но она соглашается.

Так бывшая спецпереселенка начинает курировать работу парторганизаций суда, прокуратуры, милиции...

Будучи в Кирове, на 60-летию декана пединститута, в котором Тамара все-таки проучилась два года, она встретила того самого человека, который поспособствовал ее отчислению. Удивлению его не было предела: «Как? Вы в райкоме партии?!»

Несколькими годами позднее Тамара Георгиевна вернулась на работу в Соломбальский ЦБК, где работала инженером, а затем начальником отдела стандартизации и качества. Выйдя на пенсию, она активно занялась общественной деятельностью: была заместителем председателя движения «Советь», председателем Архангельского объединения незарегистрированных репрессированных. Она внимательно следит за происходящим в Эстонии и делает все, что ей по силам.

АЛЕКСАНДРА КРЫСОВА

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
УПРАВЛЕНИЕ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ
610000, г. Киров, центр, ул. Ленина, 95
Информцентр
2/ 03.94 № 8/360
На № _____ от _____

Председателю объединения
реабилитированных "Советь"
Кондаковой Т.Г.
163059, г. Архангельск,
ул. Кировская, 4, АО "СЦЕК"
копия: начальнику центра реабилитации
и архивной информации ГИЦ МВД
Никишкину К.С.
г. Москва

Карафин Тамара Георгиевна, 1932 г.р., на основании Закона ЭССР от 7.12.1988 г. "О внесудебных массовых репрессиях в Советской Эстонии в 1940-1950е годы" 23.02.1990 г. реабилитирована ИЦ МВД Эстонии, что не противоречит ст.1, ч. II ст.2, ст.3 п."е" Закона РФ "О реабилитации жертв политических репрессий" от 18.10.1991 г., так как она вместе с матерью Карафин Т.П. 14.06.1941 г. была выслана на спецпоселение из г.Таллина в Кировскую область, как "социально опасный элемент".

Начальник отделения
реабилитации ИЦ УВД
Исп.Обухова.

О.В.Полюшкина
г. Киров. Заказ 2493. Тар. 8000. 1993 г.

СПРАВКА

Выдана С.С.Карафин
Тамаре Георгиевне
1932 года рождения, уроженка г.р. Архангельск
Депонирован в ССР

по национальности эстонка
в том, что она с 19 Кировской
Кировской области и 31
из спецпоселения освобождена 1955 года

Этм. начальника Управления МВД
Кировской области
31 марта 1993 г.
г. Киров.

МВД СССР
УПРАВЛЕНИЕ МИЛИЦИИ
УЛВД
Кировской области
УРЖУМСКОЕ
районное отделение
милиции

28 августа 1993 г.
№ 09
г. Уржум, Кировской обл.

СПРАВКА

Выдана настоящая спецпереселенке гр-ке **КАРАФИН Тамаре Георгиевне** "1932" года рождения в том, что ей разрешается выезд для продолжения образования в Пищальский лесохимический техникум с 25 августа 1954 года!

Нач. Уржумского РОМ МВД
майор (СЗОРИН)

Киров все-таки удалось, надеялась, что там выпустят и в Ленинград.

Покидать Киров запретили. К тому же Тамара теперь должна была регулярно отмечаться в милиции, как и ее мать.

Тамара Георгиевна сдает экзамены в педагогический институт на физико-математический факультет, но зачисляют ее почему-то на факультет физкультуры, где был набор. Она надеялась, что потом удастся перевестись, но это было невозможно. «Спецпереселенка» не могла преподавать детям ведущие дисциплины.

– Вскоре меня взяли в команду по зимним видам спорта. Мы успешно

Отмечаясь в очередной раз в милиции, Тамара получила предписание покинуть Киров. В Уржуме, несмотря на отсутствие образования, велют немедленно трудоустроиться.

Тамара начинает работать в лесхозе секретарем-машинисткой. Здесь же она знакомится со своим будущим мужем Леонидом Кондаковым – сыном второго секретаря райкома партии. Леонида вызвали в военкомат и потребовали, чтобы он немедленно расстался с переселенкой, родителям угрожают завести дело. Казалось бы, отношения их обречены, но нет. Влюбленные продолжают встречаться тайком

В 1954 году эстонцам дают разрешение на выезд с целью обуче-

Меня, как делегата VIII съезда ОБЩЕРОССИЙСКОЙ ОБЩЕСТВЕННОЙ БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИНВАЛИДОВ – ЖЕРТВ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ (ООБОИЖПР), состоявшегося 20-21 декабря 2011 г. в г. Москве, до настоящего времени удивляет многое на съезде, но особенно «отчёт» ревизионной комиссии (РК) за отчётный период с 2009-го по 2011 г.

«Отчёт» РК «представила» член РК Эннан А.С. со словами: председатель РК Гладиллина В.С. заболела, а она – Эннан не подготовлена. Далее Эннан А. ответила на ряд вопросов делегатов с места. Мне и многим делегатам съезда такой «отчёт» показался странным, а скорее, преднамеренным, чтобы не предоставлять (скрыть) информацию о действительном расходовании денежных средств организации. Ничего не мешало «большому» человеку заранее подготовить отчёт в письменном виде, время на подготовку съезда было отведено более чем достаточно, затем представить для делегатов съезда в письменном виде. Отчёт РК отсутствует и на сайте ООБОИЖПР. Казалось бы, что сложного представить, сколько и откуда поступило денежных средств по годам за отчётный период на счёт организации и куда они были израсходованы. Но за весь период существования организации, ранее она называлась РАЖР, не было ни одного такого отчёта. Организация длительное вре-

ПЛУТОВСТВО РОССИЙСКОГО МАСШТАБА

мя ежегодно получала на поддержание своей деятельности бюджетные деньги в пределах 6 млн руб., которые были всегда великой тайной для всех членов организации. На предыдущем съезде в 2008 г. был представлен «отчёт» РК также без информации о зачислении денежных средств, но были представлены некоторые сведения о расходовании денежных средств. Анализ, проведенный в 2009 г. даже этих скудных сведений членом правления ООБОИЖПР, ответственным за экономический блок Магдеевым М.Х., позволил выявить большое количество нарушений, которых не замечала в своих «ревизиях» РК.

В выступлении Магдеева М. Х. в г. Москве на правлении ООБОИЖПР 17 декабря 2009 г. с докладом, утверждённым 20 ноября 2009 г. правлением ВО ЖНПР и подписанным заместителем председателя правления Маныловой С.Ф., а также в Обращении к членам правления ООБОИЖПР от 21.12.2001 за подписью Маныловой С. Ф. и Козиной А.В. было приведено много фактов нарушений Устава ООБОИЖПР и её финансовой деятельности. Предложения ВО ЖНПР по исполнению требований Устава ООБОИЖПР и устране-

ния недостатков финансовой деятельности абсолютно не устраивали руководство ООБОИЖПР – председателя и заместителя, соответственно, Есаулова А.В. и Ольшанского Н.А., которым очень хотелось и далее бесконтрольно распоряжаться денежными средствами организации. С этим не могла согласиться организация ВО ЖНПР, поэтому по инициативе заместителя правления Маныловой С.Ф. и ею лично было составлено от правления ВО ЖНПР письмо на Генерального прокурора РФ Чайко Ю.А. от 17.03.2010 с просьбой принять меры по исправлению положения в ООБОИЖПР. В ответ Есауловым А.В. и Ольшанским Н.А. через послушное правление ООБОИЖПР полились потоки лжи и угроз в адрес руководителя ВО ЖНПР. Правление ООБОИЖПР представляет собой коллектив, специально подобранный Есауловым А.В. и Ольшанским Н.А. (формально избранным съездом), который по их указке всегда голосует, как им желательно, кого надо, осудят, исключат, лишат и т.д., иначе репрессированные без «должных понятий» могут остаться без сладкого – не получают жалкой суммы денег. За пышными выступлениями и обращениями, ими подготовленными, никогда

не было видно работы, что и требуется для действующей власти, поэтому и не замечаются нарушения в уставной и финансовой деятельности, представленные ВО ЖНПР в 2010 г. За непосильный труд Есаулов А.В., а ранее и Ольшанский Н. А. были награждены орденами «За заслуги перед Отечеством» II степени. Оригинально, нет слов!

В связи с вышеизложенным меня больше всего поразило содержание п.2 Резолюции VIII съезда: утвердить отчёт РК по результатам уставной и финансовой деятельности ООБОИЖПР за отчётный период. После слова результатам должно быть слово проверки. Этот пропуск оказался не случайным, а знаком свыше, т.к. действительно никакой проверки не было. Полнейшая фальсификация! Можно уверенно заявить: Есаулов А.В. и Ольшанский Н.А., пользуясь преклонным возрастом – 79 лет – репрессированных, дурачат их и фактически превратили ООБОИЖПР в «частную лавочку». И это только цветочки.

**ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ
ПРАВЛЕНИЯ МАРИЙСКОЙ
АССОЦИАЦИИ ЖЕРТВ
ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ,
ДИРЕКТОР НАРОДНОГО МУЗЕЯ**

● ВЯТЛАГ

«Такой предел вам положен»

Юрий Давыдов – выдающийся советский и российский писатель, публицист и знаток истории. Но, помимо этого, он один из тех, кого по ложному обвинению лишили свободы. За собственное мнение. За хорошее образование. За написанные им рассказы.

Родился будущий мастер исторической прозы 20 ноября 1924 года в Москве в семье журналиста и учительницы. Родители всячески старались привить мальчику хороший вкус, и любовь к наукам, в частности к литературе.

Начало литературного пути было связано с журналом «Краснофлотец». В нём юный автор, будучи курсантом Выборгского военно-морского училища, публиковал свои первые очерки, посвященные боевым действиям на Балтийском и Северном флотах.

Первые журналистские опыты помогли Юрию понять, что его призвание в служении не мине и автомату, а ручке и блокноту. В 1945 году он, не оставив военной службы, работает в газете «Красный балтиец». За год до этого поступает на заочное отделение исторического факультета Ленинградского государственного университета, откуда перевелся в Москву. Из военного флота был уволен в 1949 году в звании старшего лейтенанта и в том же году окончил МГУ.

В разгар лета 1949-го наконец увидел свет его первый сборник расска-

зов «В морях и странствиях». В книге в контексте российской истории рассказывалось об исторических путешествиях, великих, но малоизвестных мореплавателях, о свободе.

Долго радоваться молодому автору не пришлось. Уже седьмого сентября Юрия Владимировича бросили в холодную камеру Бутырской тюрьмы. Начались хождения по застенкам. Одно за другим проводились дознания, менялись следователи. Соседей писателя часто уводили и уже не приводили обратно.

Решением Особого совещания при Министерстве госбезопасности (МГБ) СССР от 31 мая 1950 года Юрий Владимирович Давыдов был подвергнут согласно статье 58 пункт 10-1 Уголовного кодекса РСФСР семилетнему лишению свободы. Обвинение стандартное, уже привычное для палачей – антисоветская агитация.

8 августа 1950 года Юрия Владимировича доставили из Бутырской тюрьмы в Вятский исправительно-трудовой лагерь (Вятлаг) МВД СССР.

Работа на лесоповале, сначала вальщиком, затем грузчиком, сильно подкосила здоровье писателя, но с ног не столкнула. В течение трех голодных лет он содержался в 6-м (поселок Брусничный), 16-м (станция Раздельная, Гидаевская ветка), 12-м (станция Турунья), 30-м (поселок Нижняя Турунья), 29-м (станция Верхняя Турунья) и 31-м (станция

Кажимка, разъезд №31) лагерных пунктах.

После смерти И.В. Сталина мясорубка репрессий сбавила обороты и, замедляя ход, начала останавливаться. Лагеря по все стране, в том числе и Вятлаг, один за другим выпускали своих узников за обитые колючей проволокой ворота. 4 мая 1954 года Юрий Владимирович Давыдов был отправлен из Вятлага в «Москву, во внутреннюю тюрьму МВД СССР, в распоряжение 3-го Главного управления КГБ при Совете Министров СССР». В том же году досрочно освобожден, а в 1957-м – полностью реабилитирован.

Сразу после выхода из тюрьмы писатель взялся за перо. В 1956 году он переиздал свой первый сборник в «Морях и странствиях», для популярной серии «Замечательные географы и путешественники» написал две брошюры – «Джон Франклин» (1956) и «Фердинанд Врангель» (1959).

Вершиной литературного творчества Давыдова стал роман «Глухая пора листопада». Темы предательства, провокаторства – и одновременно жертвенности и нравственной чистоты явились главенствующими в исторической прозе Давыдова.

Трагические годы лагерного заключения не могли остаться неупомянными. Юрий Владимирович в автобиографическом контексте касается их в повести «Синие тюльпаны» и романе «Бестселлер».

Премия «Триумф» Давыдов получил за замысел романа о создании М.В. Головинским «Протоколов сионских мудрецов» – текста, во многом определившего духовные искания XX века. Помимо нее Юрий Владимирович был награжден орденом «За заслуги перед Отечеством» IV степени, орденом Дружбы – за большие заслуги перед народом, Государственной премией СССР в области литературы и литературной премией имени Сахарова.

Литературный критик и публицист Сергей Чупринин вспоминает на страницах «Журнального зала»: «В русской исторической прозе он, вне всякого сомнения, был первым. Собратьев-современников, на том же поприще подвизающихся, великодушно не судил, мог между делом и одобрительно что-то сказать, но если с кем действительно и аюкался в своем ремесле, то разве лишь с Юрием Тыняновым и Юрием Домбровским...» «Ни малейшего высокомерия, ни малейшей угрюмости не накопил он за жизнь – совсем как любовно им вспоминаемые Давид Самойлов и Булат Окуджава, такие же, если разбираться, русские мальчики, как и он сам».

17 января 2002 года мастера исторической прозы Юрия Владимировича Давыдова не стало. Его последний роман «Такой предел вам положен», опубликованный в журнале «Знамя», так и остался незавершенным.

А. КРЫСОВА